Пушкину
Абам им. Горького

Среда, 15 февраля 1989 г. № 38 (19188)

Смена

ЛЕНИНГРАД

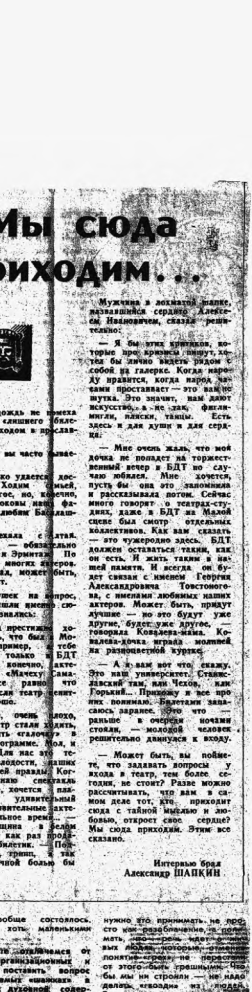
СЕГОДНЯ — 70 ЛЕТ ЛЕНИНГРАДСКОМУ АКАДЕМИЧЕСКОМУ БОЛЬШОМУ ДРАМАТИЧЕСКОМУ ТЕАТРУ имени М. ГОРЬКОГО

Мы сюда приходим...

Невозможно перелистать все его страницы. Писалась им история, когда праздновались триумфы, когда вершились судьбы, когда фотокамера просто выхватывала из жизни один миг... Но она писалась. Вглядимся в эти лица.

На снимках: Г. Товстоногов, О. Борисов, Т. Доронина, Е. Копелян, С. Юрский, В. Стржельчик.

Фото Р. Кучерова, В. Гайды, Б. Стуцалова, П. Маркина.



МЕЛКИЙ дождь не помеха для зачумных «лишнего билета» перед входом в прославленный театр.

— Скажите, вы часто бываете здесь?

— Как только удается достать билеты. Хотим видеть, смотрели многое, но, конечно, не все. Митрополит наш фанатик. Очень любим Басилашвили.

— А я пришла с соседкой. Мне сказали — обязательно пойди в БДТ и Эрмитаж. По фильмам знаю многих актеров. Вчера не попала, может быть, сегодня повезет.

Группа девушек на вопрос, зачем они пришли именно сюда, честно признались:

— Так сюда престижно ходить. Скажешь, что была в Молодежном, например, — тебе говорят: «А я только в БДТ хожу». Знаем, конечно, актеров, смотрели «Мачеху Самаровалову». Все равно что смотреть — если театр решился, то все хорошо.

— Я думаю, очень плохо, что этот театр стали делать, чтобы поставить «галочку» в культурной программе. Мы, я и БДТ были. Для нас это театр нашей молодости, наших волнений, нашей правды. Когда я вспоминаю спектакль «Горе от ума», хочется плакать. Это был удивительный спектакль, удивительные актеры и удивительное время... Пожилая женщина в белом тонком платке как раз продавала лишний билетик. — Порвала набросила, грипп, так даже с сердечной болью бы пришла.

Мужчина в лохматой шапке, называвшийся сердито Алексеем Надеевичем, сказал решительно:

— Я бы этих критиков, которые про кризисы пишут, хотя бы раз сюда на галерку. Когда народу нравится, когда народ на своих пропадает — это важнее шутка. Это значит, нам дают искусство, а не так, фиглярничать, чтобы, мол, вот, здесь и для души и для сердца!

— Мне очень жаль, что моя дочка не попадет на торжественный вечер в БДТ по случаю юбилея. Мне хочется, пусть бы она это запомнила и рассказывала потом. Сейчас много говорят о театрах-гигантах, даже в БДТ из Малой сцены была смотр отдельных выдающихся актеров. Как вам сказать — это чудородно здесь. БДТ должен оставаться таким, как он есть. И жить таким в нашей памяти. И всегда он будет связан с именем Георгия Александровича Товстоногова, с именами любимых наших актеров. Может быть, придут лучшие — но это будут уже другие, будут уже другие, говорила Ковалева-мама. Кивала-дочка играла зонтиком на разноцветной курнике.

— А я вам вот что скажу. Это наш университет. Станиславский так, как Чехов, как Горький... Приходишь и все про них понимаю. Билетами запасаемся заранее, прямо что раньше в очереди ночами стояли, — молодой человек решительно замкнул в кулак.

— Может быть, вы поймете, что задавать вопросы у входа в театр, тем более сегодня, не стоит? Разве можно почитывать, что вам в самом деле тот, кто приходит сюда с тайной мыслью и любовью, открыт свое сердце? Мы сюда приходим. Этим все сказано.

Интервью брал
Александр ШАПКИН.

...И СЦЕНА ОСВЕЩАЕТСЯ

Можно, конечно, в день юбилея описать, как таинственны звуки за кулисами. Как пробежал мимо в кавзоле и парике актер в буфет. Как алмазные очи в зеркалах грим-уборной. С каким волнением вступают в огромный зал впервые попавшие сюда «гости нашего города». Как горячо приветствуют своих любимцев украшие поклонники этого театра.

— Ладно, — сказал Андрей Толубеев, один из лидеров труппы АБДТ, заслуженный артист РСФСР, секретарь правления СТД РСФСР, член бюро правления ЛО СТД РСФСР, — о деле, так о деле.

— Два года назад вы, Андрей, на страницах нашей же газеты высказали мысль, что искусство в театре были «вторым эшелоном», который пропускал на заданном пути и двигался тихим ходом «вслед». Где же находится театр сегодня? В каком качестве?

— Думаю, театр сегодня — даже не на запасном пути. Мы присутствуем при последних сценах, последнем акте трагедии советского театра. Занавес опустится. И начнется новый спектакль — может быть, фарс, может быть, комедия, может быть, драма...

Все, что было до восемьдесят пятого года, и если честно, то включая в значительной степени и сегодняшний день, — это трагические страницы отечественного театра, который ждет последнего удара гонг...

— Исключительна ли ситуация театра, при всей ее трагичности, с которой, увы, нельзя не согласиться?

— И да и нет. Мы оказались в одном ряду со всеми вопросами политического, экономического, общественного развития. Связи и поимали одно и то же. По новому ощущению то, что нам все время внушали, будто советский театр — самый передовой в мире, совершенно парализовало тех, кто театр создает. Исключение — Товстоногов, Любимов, Эфрос, Васильев, Некрошюс, Додин, Стуруа — на мой взгляд, только подтверждают правило. Точно так же, как стартовый комплекс Байконура, скажем, было не свидетельствует о нашем прокорпете в области радиоэлектронной промышленности.

Мне кажется, разорен психологический, нравственный, творческий банк советского театра еще на взлете. После Октябрьской революции этот взлет был, но начиная с первой четверти двадцатых годов пошло разорение. Разнообразное тому, как, уничтожив кибернетику, генетику, разорили сельское хозяйство. И с чем мы остались? Всего лишь опыт, накопленный, скажем, Станиславским, есть наш гуманизм и реализм на сегодняшний день гроша ломаного не стоят в том виде, в каком его дозволяющие большинстве мы встречаемся с ним на подмостках театров России.

После того, как в Москве в ушедшем спектакль Питера Штайна «Три сестры», который с затаенным дыханием смотрели ведущие режиссеры, коллеги страны, я понял, что Станиславскому и Чехову надо учиться заново. И в этом — парадокс. То, чем занимались Мейерхольд, Таиров, — тоже на взлете разорено. У нас было «левое», «правое», «серединная», но в результате всех отмен, запретов и декретов мы пришли на театре к полному краху.

— Ну а чем, на ваш взгляд, заключается самая «болевая» точка сегодняшнего театра!

— Не отменен и на сегодняшний день еще действует «дверочный» способ управления театром. Искусство все равно не в первом ряду и на таком коротком поводке, что держай как угодно все равно не получится. Запретительство как способ управления и оружие всех чиновников в последние годы сменялось другим оружием — назначением и замалчиванием: хоть что делай, а мы тебя в упор не видим.

Те театральные реформы, которую подготовили Союз театральных деятелей СССР совместно с Министерством культуры СССР, несмотря на то, что я к ним причастен, мне кажется, проблемы не решают. И по существу только закрепляет зависимость театров от хозяина города или его административного аппарата. То есть театр, как худо-бедно, так и должен ходить...

— С другой стороны, нельзя же театр отделить от государства!

— Да. Но в государстве им должны, как и вообще искусством, заниматься люди профессионально компетентные. Наш культурный уровень в целом упал, так как на протяжении долгих лет мы не ставили культуру во главу угла. Что же касается работников аппарата, то самим способом своего существования, когда все отвечают за все и времени не остается ни на что, они поставлены в условия, мягко говоря, не способствующие повышению этого уровня. В своем аппарате каждый значим на своем месте. Не руководители Верхней Палаты правления в области культуры, должен быть авторитетен в кругах работников культуры, и не среди тех, кто в свою очередь дает ему указания, втаптывая руководствуясь какими угодно благими соображениями, ростки конкретного знания существа вопроса.

Если человек, от которого зависит судьба театра, не имеет представления, каким должен быть театр на сегодняшний день, как он развивается, что такое хорошо и что такое плохо на театре, и просто выделит «удобного» режиссера, тот найдет «удобных» артистов, поставит пьесу «удобного» автора...

— И все они очень удобно будут существовать на государственном окладе...

— И это тоже. Мы не умеем в виду не конкретные жизни, а возрастной потенциал, накопление творческих возможностей...

— И все же — «а судьи кто?». Имя Игоря Горбачева вызовет волну протеста у одних, но такую же волну протеста у других, вызовет имя деятеля Вл. Кирилла Петровича...

— Я вам отвечу вопросом на вопрос: «А на что существует городской художественный совет при Главном управлении культуры?» Что это, его функции исчезли с тех пор, как не требуется «принимать и взмахивать» спектаклем? Пусть городской художественный совет и возьмет на себя роль арбитра и, если хотите, провидца... Естественно, он должен пользоваться авторитетом и у хозяев города, и у зрителей, и у самих театров... Иначе зачем в эти игры играть?

— Тут все не так просто. Сегодня, когда его являются во хозрасчет пришел в театр, решать, что жизнеспособно, что нежизнеспособно часто берутся с арифмометром в руках, и тут уже функция художественного совета кончается...

— Хозрасчет — это особая проблема. Мы упоем на нем и его же пугаемся. Потому что хозрасчет — многоранжев, а мы, по существу, толком и до конца не знаем ни одного варианта. Думаю, бессмысленно надеяться на спонсорство, меценатство и на арифмометры в театре, потому что хороший хозяйственник при всеобщем разорении станет вкладывать деньги прежде всего в то, что может народ накормить, одеть, дать крышу над головой. И поэтому опять, что хочу, как не государству в лице исполкомов советской власти, брать на себя бремя развития духовной культуры, вкладывания в нее средств? Пора бы уже понять, что государству невыгодно иметь духовно неразвитых, необразованных людей...

— Хорошо. Допустим, все свершилось: закрыли плохие и открыли хорошие театры. А что в них придет? И с чем? Брешь, пробитая в культуре, в том числе в культуре театральной, — воспоминания на она сегодня!

— Сегодня нет. Завтра... Нужно работать, чтобы взаимодействовать. Надо прекратить финансировать плохих искусство. Плохой спектакль — это просто плохо сработанный кирпич. Это еще одно искривление в сознании, в душе доверчиво заплатившего свои деньги и пришедшего в театр за ответом на какой-то вопрос человека, человека. Плохие театры нужно закрывать.

— А не получится, что наш город тогда останется вообще без театров!

— Может остаться. Но надо создавать новые, жизнеспособные театры. А пока это тоже зависит не от нас, не от театральных деятелей, хоть мы сидим в бюро, правлении своего союза. Мы не можем ни построить, ни разрушить. Не можем открыть театр под руководством Спивака, точно так же, как долго не могли отстранить от театра Егорову. (Пользуясь случаем, со всей ответственностью хочу заявить, что если «сверху» министерства спустится Егорову реабилитация, то я лично подаю в отставку, и, думаю, многие мои коллеги по бюро сделают то же). Сколько нам вообще создать хоть один театр, скажем, в результате деятельности фронта Всероссийского объединения «Театральные мастерские» — ВОТМ? Ведь по уставу мы должны ходатайствовать перед городом о предоставлении возможности создать свой театр наиболее жизнеспособному коллективу... Но мы уже чувствуем — город «не поможет». Ему ремонтировать надо — Пушкинский театр, Театр музыкальной комедии... Я сегодня тем мы на кровью сумбум завтрашний день театра — я хотя бы, скажем, Ленинградский Большой драматический — Горький — Ленинградский Большой драматический — Горький — Ленинградский Большой драматический — Горький —